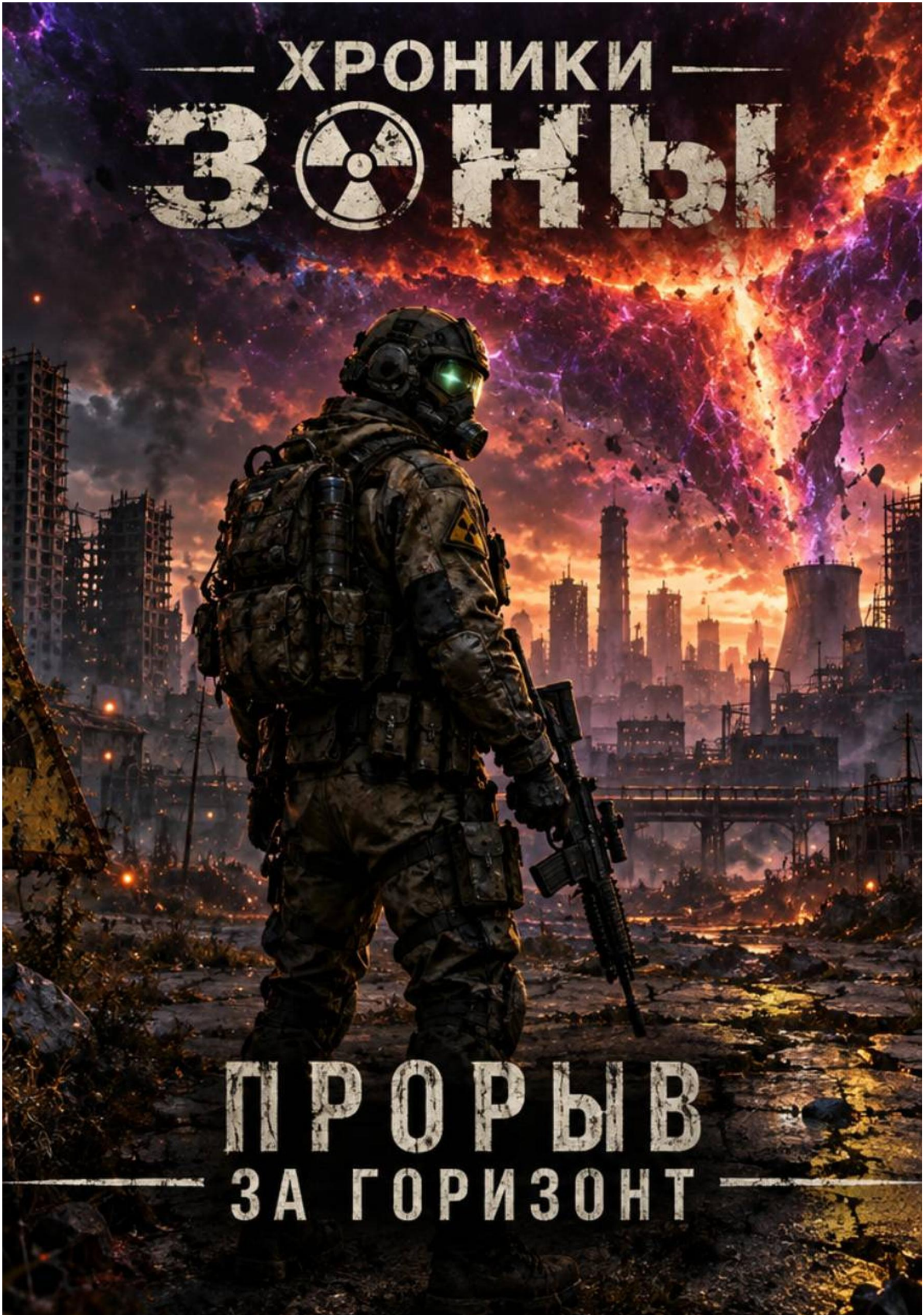
ХРОНИКИ
ЗОНЫ
ПРОРЫВ
ЗА ГОРИЗОНТ

Лера Вельvet

Хроники зоны: Прорыв за горизонт

«Автор»
2026

Вельvet Л.

Хроники зоны: Прорыв за горизонт / Л. Вельvet — «Автор», 2026

Внештатная ситуация в закрытом научно-исследовательском комплексе «Олди» превратила индустриальные окраины Ростова-на-Дону и прилегающие донские степи в смертоносную зону заражения. Алексей Волков — бывший ведущий инженер-технолог объекта — единственный, кто до конца понимает истинный масштаб произошедшего. Когда аварийный передатчик передаёт ультиматум автоматики о скором коллапсе нестабильного ядра, запускается безжалостный обратный отсчёт: ровно 144 часа до момента, когда остаточная реакция сотрёт сектор с лица земли.Отрезанный от внешнего мира, без поддержки и ресурсов, Волков начинает свой прорыв через индустриальные руины, ионизированные топи и неизвестные биологические угрозы. Чтобы добраться до центра управления установкой, ему понадобятся не суеверия местных бродяг, а холодный научный расчёт.Зона не прощает иллюзий. Но когда на кон поставлено будущее целого региона, отступать некуда — остаётся только идти за горизонт.

© Вельvet Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Вход в Периметр. Шёпот руин 5
Глава 2 9
Тоннели и тени. Встреча со связным 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Лера Вельvet
Хроники зоны: Прорыв за горизонт

Глава 1

Вход в Периметр. Шёпот руин

Дозиметр на левом предплечье заверещал мелким, царапающим перестуком, срываясь на захлёбывающуюся дробь при каждом порыве сухого низового ветра. Алексей спрыгнул с подножки заглохшего внедорожника, и подошвы тяжёлых штурмовых берцев с вязким, плотоядным чавканьем погрузились в жидкую, маслянистую жижу, устилавшую остатки асфальтового полотна. Грязь была неестественной — в ней плавала синеватая радужная плёнка синтетических углеводородов и взвеси осевшие из атмосферы тяжёлые фракций.

Тяжёлый рамный пикап за спиной затих окончательно, превратившись в бесполезную груду остывающего железа. Примерно в двух километрах позади, когда машина только пере-

секла границу внешнего санитарного сектора, по корпусу полоснула бесшумная волна широкополосного электромагнитного удара. Бортовая сеть взорвалась искрами прямо под капотом, экранированная проводка обратилась в труху, а блок управления расплавился, наполнив тесный салон удушливой гарью палёной меди, фенола и жжёного пластика. Механика и кремниевая электроника гражданского образца здесь не выживали. Дальше вела лишь собственная воля и две ноги, закованные в кевлар и полимерные накладки.

Волков замер, восстанавливая сбившееся дыхание. Плечи привычно приняли вес потяжелевшего модульного рюкзака, в пазах которого были уложены запасные сорбентные картриджи, портативный спектрометр, консервированные рационы и инженерный ремкомплект. На груди жестко сидел тактический разгрузочный жилет с запасными магазинами, а пальцы в усиленных перчатках с полиуретановыми костяшками крепко сжимали цевьё модифицированного карабина. На лице плотно, до боли в скулах, сидела комбинированная изолирующая маска респиратора. Клапан выдоха негромко щёлкал с мерной цикличностью, отсекая ядовитый внешний смрад и подавая сухой, пресный, пахнущий активированным углём воздух.

Как бывший ведущий инженер-технолог материаловедческого сектора «Олди», Алексей слишком хорошо понимал природу каждой частицы этой взвеси: субмикронные радиоактивные изотопы, летучие полимерные цепочки и микроскопический абразив разрушенного катализатора. Сними защиту на пару минут, сделай глубокий вдох — и через час лёгкие начнут отхаркиваться сгустками сожжённых альвеол.

Алексей поднял взгляд, и перед ним во всей своей инфернальной мощи предстала панорама растерзанной ростовской земли.

Бескрайняя донская степь, некогда колыхавшаяся золотистым ковылем и пахнущая горькой полынью, здесь, на подступах к комплексу, выродилась в обугленный, мёртвый лунный ландшафт. Растительность не просто погибла — она мутировала и закостенела. Сухие стебли сорной травы превратились в ломкие, остекленевшие иглы, покрытые тончайшим налетом белесого оксидного осадка. Земля местами вспучилась глубокими тектоническими трещинами, обнажив пласты иссушенной, растрескавшейся красной глины, сквозь которую сочился мутный сероводородный пар. Пространство звенело неестественной, оглушающей пустотой — ни стрекота цикад, ни шелеста птичьих крыльев, лишь монотонный свист степного сквозняка, перекатывающего по рытвинам клочья радиоактивного перекати-поля.

Но страшнее всего было небо. Над территорией закрытого научно-технологического комплекса «Олди», раскинувшегося в десятке километров к северу от городской черты Ростова-на-Дону, свод атмосферы был вспорот. Привычный купол словно разорвали гигантскими когтями, обнажив раскалённую, болезненную изнанку пространства.

Небо кипело, дышало и переливалось дикими, противоестественными красками: ядовито-оранжевые полосы скручивались в тугие спирали с багровыми, почти кровавыми грозовыми тучами. Это не было обычным пожаром или химическим выбросом. В геометрическом центре закрытого объекта непрерывно детонировал термоядерный разлом — аварийная установка глубинного синтеза, сорвавшаяся с магнитных ловушек во время рокового эксперимента. Разлом пульсировал с механической, пугающей регулярностью: раз в тридцать секунд в зенит ударял ослепительно-фиолетовый ионизационный шпиль, после чего по периметру облаков пробегала дрожь, а приземный слой воздуха озарялся тусклым люминесцентным свечением. Комплекс походил на титаническое, обезумевшее техногенное сердце, которое безостановочно качало яд в атмосферу планеты.

Внезапно горизонт вздрогнул. Где-то в недрах испытательных полигонов грохнуло с такой чудовищной силой, что вибрация передалась через подошвы обуви прямо в кости голени. Секундой позже по равнине прокатилась глухая, низкочастотная ударная волна. Воздух сжался, ударив по барабанным перепонкам даже сквозь защитные наушники, и с висящих над степью слоистых облаков посыпались миллионы крупиц фосфоресцирующего пепла. Он

падал медленно, хаотично кружась на ветру, словно ядовитый зимний снег, вспыхивающий при соприкосновении с металлическими поверхностями крошечными статическими искрами.

Волков сплюнул сквозь загубник слюну, ощущая на языке металлический привкус озона, и сделал несколько осторожных шагов вперед.

У обочины полуразрушенной трассы, завалившись на правый борт в забитый ржавой арматурой кювет, торчал массивный дорожный щит из листовой стали. Его поверхность была иссечена осколками и покрыта копотью. Облупившаяся жёлтая эмаль едва позволяла разобрать чёрный трёхлопастный знак радиационной опасности и выбитые по трафарету буквы: ***«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ КЛАСТЕР "ОЛДИ". СЕКТОР "ДЕЛЬТА-4". ОСОБЫЙ РЕЖИМ ДОПУСКА. ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ»***. Ниже кто-то из бежавших в первые часы катастрофы солдат нацарапал штык-ножом корявое, полное отчаяния слово: ***«НЕ ЛЕЗЬТЕ»***.

Прямо перед Алексеем начиналась зона непосредственного периметра — фортификационная развилка перед рухнувшим железобетонным контрольно-пропускным пунктом. Бронированные шлагбаумы были вывернуты мясом наружу, словно через них на полном ходу прорывался тяжёлый гусеничный тягач, а наблюдательная вышка осела на один бок, похожая на надгробный камень усопшей цивилизации.

Здесь пути разделялись, ставя перед инженером первую смертельную дилемму.

Прямо уходила широкая технологическая трасса, разрезавшая заводской массив северной промзоны. Это было сплошное кладбище искорёженного металла: сошедшие с путей маневровые тепловозы, перевёрнутые платформы с контейнерами для тяжёлых изотопов, груды сплющенного профнастила и торчащие из земли двутавровые балки. Этот маршрут давал прямой и быстрый выход к магистральным путепроводам, ведущим вглубь территории, но он был открыт всем ветрам. Идти там значило ежесекундно рисковать попасть под блуждающий гравитационный сдвиг или внезапный радиоактивный смерч, рождённый бушующим небом «Олди». На открытом пространстве спрятаться было негде.

Второй путь уходил вправо. Туда, где глинистый склон балки круто обрывался вниз, уступая место монументальному железобетонному порталу. Это был чёрный, словно вход в преисподнюю, зев наклонного транспортного тоннеля — недостроенная и законсервированная ещё до Катастрофы ветка глубокого технического метрополитена, предназначавшаяся для скрытной доставки компонентов к подземным бункерам комплекса. Оттуда веяло сыростью, затхлостью, застоявшейся водой и ледяным холодом подземелий. Тоннель гарантировал абсолютную защиту от ядовитых осадков и небесных вспышек, но таил в себе опасность карстовых провалов, скоплений удушливого «тяжёлого метана» и непредвиденных структурных деформаций, вызванных подземными толчками.

Алексей медленно поднял карабин, удерживая ствол в направлении тёмного проёма, и замер, вслушиваясь в эфир.

В левом наушнике радиогарнитуры, продираясь сквозь непрерывный треск статики, свист атмосферных наводок и белый шум, вдруг отчётливо щелкнуло. Следом за коротким тональным зуммером раздался монотонный, синтезированный, но пугающе надсадный голос автоматического оповещателя аварийной безопасности базы:

— «Внимание всем бортам и мобильным группам наблюдения... Аварийный протокол "Омега"... Целостность магнитного удержания контура "А-1" утрачена... Скорость температурной деградации активного ядра превышает расчётные нормы... До фатального схлопывания критической зоны осталось сто сорок четыре часа... Повторяю: один-четыре-четыре часа... Автоматический сброс стабилизаторов невозможен... Объект обречён... Эвакуация...»

Сообщение оборвалось на полуслове, сменившись резким, давящим на виски ультразвуковым писком, который тут же растаял в бесконечных помехах радиоэфира.

Волков опустил глаза на предплечье правой руки, где под бронированным сапфировым стеклом тускло светился дисплей инженерного наладонника. Встроенный таймер автономной синхронизации моментально перехватил метку сигнала и вывел на экран мерцающие зеленые цифры обратного отсчета: 143:59:42.

Шесть суток. Ровно столько отделяло этот и без того растерзанный кусок донской земли от окончательного термического коллапса. Если ядро «Олди» прорвёт защитную плиту горизонтального базирования, цепная реакция испарит не только сам комплекс, но и весь прилегающий регион, превратив сотни квадратных километров вокруг Ростова-на-Дону в остекленевшую радиоактивную пустыню.

Где-то там, под толщей бетона разрушенного третьего блока, в архивах центрального вычислителя всё ещё лежали оригинальные матрицы калибровки магнитного поля. Единственный ключ к глушению ядра. И он был единственным живым человеком, знавшим архитектуру этого сектора изнутри.

Счёт пошёл на секунды. Воздух вокруг задрожал сильнее, и дозиметр зашёлся непрерывным предупреждающим сигналом: плотность излучения у блокпоста начала стремительно расти. Медлить больше было нельзя.

Глава 2

Тоннели и тени. Встреча со связным

Глинистый откос балки под ногами пополз мелкой, скользкой крошкой, смешанной с хлопьями фосфоресцирующего пепла. Алексей крепче вцепился в рифлёное цевьё карабина, балансируя на грани падения, и резко ушёл вправо, покидая открытую всем ветрам промзону. Каждый шаг по крутому склону отзывался глухим чавканьем подошв тяжёлых берцев в вязком грунте.

Впереди, словно вход в склеп титанов, разверзся монументальный портал законсервированного метростроевского тоннеля. Бетонная арка высотой в два человеческих роста была иссечена глубокими температурными трещинами, из которых сочилась мутная белесая влага, пахнущая щёлочью. Массивная чугунная створка защитной гермодвери — реликт советских проектов глубокого залегания, адаптированных под нужды закрытого научного комплекса «Олди», — была распахнута лишь на треть, застыв на ржавых роликах направляющих рельсов.

Волков протиснулся сквозь узкую щель, ощутив, как грубый металл скрежетнул по навесным подсумкам тактического разгрузочного жилета.

Едва толстая чугунная преграда осталась за спиной, яростный ревущий вой надвигающейся сверху бури словно отрезало. Неистовый рокот разгневанного степного ветра, в котором гудели тонны поднятого в воздух радиоактивного песка, превратился в глухой, далекий и вязкий бас, давящий на барабанные перепонки сквозь монолитные своды. Дозиметр на предплечье, секунду назад исходивший истеричной трелью, резко умерил пыл: частые панические сигналы сменились редкими, сухими щелчками, оповещавшими о том, что толща донской глины и фортификационного бетона надёжно экранирует смертоносные небесные разряды.

Но обманчивая тишина подземелья была иллюзией безопасности, не способной обмануть опытного человека.

Зона встретила Алексея внутри своим особым, неповторимым микроклиматом. Воздух здесь был неподвижен, тяжел и пропитан удушливым букетом ароматов: затхлая сырость вечной тьмы, резкий запах окисляющейся меди, трупно-сладковатые нотки разлагающейся органики и едкий, химический дух перегоревшей изоляции высоковольтных кабелей.

Алексей щёлкнул тумблером на оголовье шлема. Яркий узкий конус тактического светодиодного фонаря с шипением вонзился в вековой мрак, вспарывая взвесь сырой пыли. Луч скользнул по стенам: когда-то аккуратная кафельная облицовка служебной платформы потрескалась и частично осыпалась на пол уродливыми серыми осколками, обнажая ребристые тюбинги. С потолка, словно щупальца мертвого механического полипа, свисали пучки разорванных силовых жил. Между рельсами железнодорожной колеи, уходящей в непроглядную глубину ветки, стояли широкие маслянистые лужи, покрытые тонкой радужной пленкой неизвестных химикатов.

Шаг. Подошва мягко легла на бетон, стараясь не скрипеть мелким щебнем. Еще шаг. Глаза сквозь визор респиратора сканировали пространство впереди. Палец лежал вдоль спусковой скобы — расслабляться под землей было смертельно опасно.

Внезапно в полусотне метров впереди, у изгиба служебного тоннеля, где платформа переходила в технический распределительный узел, мелькнуло быстрое смазанное движение. Длинная изломанная тень оторвалась от стены и юркнула за штабель строительных блоков.

В ту же секунду тишину подземки разорвал сухой, лязгающий звук взводимого оружейного затвора.

— Стой, сука! — прохрипел из непроглядного мрака хриплый, прокуренный и до предела натянутый, как струна, голос. — Ствол в землю! Медленно шагни в круг света, руки держи так, чтобы я видел пальцы! Одно лишнее движение, дёрнешься к кобуре — и я всажу тебе в грудину добрый десяток граммов свинца! Мне плевать, в какой ты броне, с пяти метров тебя вывернет наизнанку!

Алексей замер на месте, не делая резких движений. Он плавно опустил дуло карабина строго в пол, зафиксировав оружие на одноточечном ремне, и медленно вытянул перед собой левую руку открытой ладонью вперед. Свет его нашлемного фонаря выхватил импровизированную фортификационную позицию: бруствер из мешков с прессованным грунтом, перекрытый выломанными из служебного вагона стальными сиденьями и остовом промышленного шкафа автоматики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.